

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИТИКА Сороковых годов XX века в публицистике Б. И. Николаевского

Т. В. Лебедева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются публицистические произведения журналиста Б. И. Николаевского периода эмиграции, посвященные проблемам взаимоотношений России с государствами Запада и Востока. Подчеркивается роль России в европейской истории.

Ключевые слова: Б. И. Николаевский, российская эмиграция, публицистика русского зарубежья.

Abstract: articles of B. I. Nikolajevsky are devoted to contacts between Russia and countries of the West and the East. The author stressed the Russian role in the European history.

Keywords: Russian Emigration, Russian Emigration Publicist.

В 2017 г. исполнилось 130 лет со дня рождения видного публициста русского зарубежья Бориса Ивановича Николаевского. Он родился 20 октября 1887 года в башкирском городе Белебее в семье священника. Рано увлекся политикой и начал публиковаться в газетах. Работал в Самаре, в Уфе, в Сибири. Перед революцией, в 1914 году, Николаевский уже ответственный секретарь выходившей в Санкт-Петербурге газеты «Луч», издаваемой меньшевиками; не раз арестовывался. После Октябрьской революции был членом Учредительного собрания, участвовал в его Уфимском совещании, был кооптирован в члены ЦК своей партии и вскоре выслан из России. В изгнании возглавил Амстердамский институт социальных наук, где были сосредоточены и спасены от гитлеровцев такие важные документы, как, например, архив Карла Маркса. Сотрудничал с Горьким. В 1926 году в России, в ГИЗе вышла его брошюра «Конец Азефа», на которую Горький откликнулся статьей «О предателях».

С 1924 года Николаевский печатается регулярно в таких эмигрантских изданиях, как «Голос минувшего» и «На чужой стороне». Пишет в основном рецензии на новые книги и очерки о людях, встречи с которыми оказали влияние на формирование его взглядов. Среди героев его очерков — революционер-народник С. М. Кравчинский, философ, публицист и социолог П. Л. Лавров, «русский якобинец», литературный критик и публицист П. Н. Ткачев. В конце 30-х годов он начинает публиковаться в «Русских записках» и «Современных записках». В это время темой публикаций Николаевского все чаще становится мировая война. В 1940 году в «Современных записках» выходит его статья «Цветные книги», название которой он объясняет так: «Войны нашей эпо-

хи неизменно вызывают появление целых потоков «цветных книг», — сборников документов о дипломатических сношениях между воюющими странами за периоды, этим войнам предшествующие... Предаются гласности только те документы, которые не мешают успешности борьбы... Многотомные публикации документов появляются только после войны, да и то не всегда» [1, 258].

Николаевский прекрасно понимал, какими бедами грозит России новая мировая война. Он внимательно следил за происходящим на родине, переживал, что война может прийти на ее территорию внезапно. Самого его война застала в Париже. Ему удалось перебраться в Соединенные Штаты, где он сразу же начинает активно сотрудничать с создающимся на его глазах «Новым журналом». В его первом номере он выступает с большой статьей «Внешняя политика Москвы», в которой заявляет, что за последние двадцать лет она все более становилась политикой Сталина. Ее движущие мотивы — тайна, загадка, поскольку в России «известным становится только то, что хочет огласить само правительство. Выход за эти пределы является государственным преступлением, а таковые там караются быстро и беспощадно» [2, 230]. На вооружении российских политиков до последнего времени были сформулированные Лениным политические максимы о невозможности мирного сосуществования с капиталистическим окружением, об использовании революции как защиты от внешней угрозы, о желательности союза «угнетенных стран». До 1918 года Германия и Россия считались угнетенными и дружественными — в дружбу верили вплоть до вероломного нападения Германии на СССР. Автор продолжает развивать эту тему во втором номере нового журнала. В статье «Смещение фельдмаршала фон Браухича» он заявляет, что Гитлер, подстрекаемый автором идеи гитлеризации всей Восточной Европы Розенбергом, поступил глупо. «Сын Восточной Пруссии Браухич всегда был сторонником союза с Россией. Он

говорил, что Германия, опирающаяся на Россию и имеющая возможность пользоваться ее сырьем, не только выправит свое хозяйственное положение, но и станет неуязвимой для внешнего мира» [3, 224]. Его не послушали. Война оказалась более трудной, чем ожидалось. Браухич требовал приостановки наступления на Востоке. Прекращения ненужной, по ее мнению, войны требовала и Япония. Розенберг настаивал на доведении войны с Россией до победного конца.

Обзоры «Внешняя политика Москвы» продолжают в третьем и четвертом номерах «Нового журнала». В четвертом номере журнала статья заканчивается цитатами из интервью Сталина японскому журналисту Фузе, где советский вождь называет японский народ самым передовым из народов Востока и выражает желание сотрудничать с ним. Удерживать Японию от вступления в войну с нашей страной было очень важной задачей. Эта тема развивается в следующем, пятом номере «Нового журнала». Статья называется «Советско-японское соглашение 1925 года. Из очерков по истории внешней политики Москвы». Николаевский считает, что отношения России и Японии — один из наиболее темных разделов в истории внешней политики Москвы, которая, по его мнению, и вообще не отличается прозрачной ясностью. Тем не менее ее пристальный разбор оправдывается важностью отношений между этими странами. По мнению автора, «необходима еще одна оговорка: политика Сталина выделяется необычной последовательностью в стремлении к поставленным целям, — но она, в то же время, обладает и исключительно маневренной гибкостью. Сталину совершенно чуждо прямолинейное доктринерство, поэтому необходимо избавиться и от доктринерства в подходе к его политике» [4, 199]. Далее автор подробно анализирует все стадии русско-японских отношений за последние сорок лет, деля этот срок на девять периодов и в каждом подчёркивая невыгодность ссоры между этими двумя странами:

1. Несговорчивость России в вопросе о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке вынудила Японию заключить союз с Англией.

2. 3 июля 1916 года был заключен секретный русско-японский договор о военном союзе, прежде всего — против Америки.

3. У Японии нет другой разумной, с ее точки зрения, политики, как жить в мире и согласии с Россией. Русская земля на Дальнем Востоке для японской колонизации непригодна: суровую зиму японцы не переносят, их больше интересует Полинезия или Австралия. Россия-союзник — их идеал.

4. В 1918—1919 годах Япония послала в Приморье оккупационную армию, которая быстро втянулась в беспощадную вооруженную борьбу против гражданского населения. Завоевывать территорию японцы не хотели. Их целью было очистить ее от большевиков.

5. Конечная цель проекта — создать прочный союз: Япония — Германия — Россия с гегемонией Японии на Тихом океане.

6. Страшная катастрофа, обрушившаяся на Японию в сентябре 1923 года, когда за несколько часов Япония потеряла от землетрясения не меньше 7% своего национального достояния, приблизила победу сторонников реформ.

7. 31 мая 1924 года подписан русско-китайский договор. Трехлетние старания англичан закрепить в Китае «рассыпались, как карточный домик».

8. Разрыв мира на две обособленные половинки: Запад — Восток.

9. Уход Америки из Европы. Отказ от налаживания ее послевоенной жизни. Надолго ли? Нарком иностранных дел М. М. Литвинов до конца 1931 года считал, что между Россией и Японией сложились наилучшие добрососедские отношения. («Только с формальной стороны!» — не соглашается журналист.)

Эти кратко изложенные нами тезисы Николаевского сегодня можно было бы считать прекрасными мечтами, но тогда о возможности такой расстановки сил говорили, особенно на Востоке, многие. Советский работник А. Е. Ходоров приводит в журнале «Международная жизнь» такое высказывание известного китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена: «Когда Япония приняла участие в мировой войне на стороне союзников, она упустила случай использовать золотую возможность, чтобы создать Азию исключительно для азиатов. Подобная Азия могла бы быть противовесом белым, особенно англосаксам. Результатом подобной ситуации явилось бы занятие Японией места действительного вождя всех азиатов. Но Япония не последовала моему совету, который все же был советом одной третьей части всего Китая! — и пропустила посланный небом случай стать вождем Востока» [5, 124].

Николаевский явно увлечён темой. Обычно сдержанный в выборе выразительных средств, он активно использует здесь метафоры, противопоставления: Япония — «причудливое сочетание ультранового с архистарым»; «использовать одну акулу против другой»; «борьба с русским медведем, перекрашенным в красный цвет» и т.п.

Еще более ярко расцвечена метафорами статья «Революция в Китае, Япония и Сталин», где наряду с советско-японскими отношениями анализируются и японско-китайские: «Китай — такое огромное море, что оно делает солеными все впадающие в него реки»; «Китайского пролетария, пробудившегося к сознательной жизни, острее всего оскорбляла бамбуковая палка в руках японского надсмотрщика. Именно она была причиной взрыва 1925 года»; «Троцкий думал, что ветер шанхайских событий дует в его паруса»; «На японских островах дают себя чувствовать симптомы социальных землетрясений». По поводу последнего высказывания даже газета «Правда» заметила: «На

фоне токийских улиц, все еще лежавших полуразрушенными от недавнего землетрясения, эта метафора звучала особенно удачно». Исходным тезисом статьи «Революция в Китае, Япония и Сталин» является утверждение: «Сталину пришлось на собственном опыте убедиться в дальновидности немецких геополитиков, учивших, что первым и основным условием для ведения какой-либо страной активной внешней политики является создание ею «у себя дома» прочного внутреннего единства» [6, 229]. Автор разъясняет, что в Китае такие условия не были созданы. Сунь Ятсен начал создавать армию и налаживать отношения с небольшой тогда, в 300—400 членов, компартией, но в марте 1925 года умер. Гоминдан надеялся на быстрое развитие капитализма в стране, но рабочее движение было слабо и не могло развиваться под «бамбуковой палкой японского надсмотрщика», а японских фабрик на территории Китая было намного больше, чем принадлежащих всем другим иностранцам, вместе взятым. Политизироваться под «бамбуковой палкой» не удавалось. Бухарин, Рыков и Троцкий считали, что широкого демократического движения в Китае придется ждать целую историческую эпоху. Сталин надеялся на более скорый результат. Подзуживаемая революционерами всех мастей, страна распалась на несколько почти независимых областей. Их «милитаристы» враждовали между собой. Николаевский также обращает внимание на непредсказуемость китайской политики: в XIII—XIV веках монголы завоевали Китай, и два-три последующих поколения монголов фактически продолжали политику завоеванной страны.

Новое время — еще непредсказуемое. Политика использования «социальных землетрясений» на Дальнем Востоке наложилась на конфликт между Японией и Западом: Америка и Англия стали активно помогать Китаю в развитии промышленности и торговли. Бывший премьер-министр Японии Гиити Танака представил императору секретный меморандум о необходимости бороться за полное подчинение своему влиянию Китая и русского Дальнего Востока. Конечной целью этого плана было завоевание Японией мирового господства. В 1927 году Танака умер. Его политику продолжил военный министр Есукэ Мацуока, настаивавший на немедленном заключении военного пакта с Германией и Японией. О дальнейшем развитии событий на Дальнем Востоке подробно рассказывается в последней публикации цикла «Внешняя политика Москвы».

Статья «Как Япония пришла к войне» была опубликована в двух уже послевоенных номерах «Но-

вого журнала», многое стало ясным, близился суд Международного военного трибунала для Дальнего Востока, где Мацуока был представлен как один из главных военных преступников, и Николаевскому было важно показать, что именно Мацуока долгое время был главным поджигателем войны на Дальнем Востоке. Император более трезво оценивал обстановку и был в оппозиции к авантюристической внешней политике Мацуоки. Он оказывал сопротивление его планам заключения союзного договора с Германией и предупреждал принца Коноз: «Если вы заключите этот союз, то раньше или позже, но американские аэропланы появятся над Токио». Так оно и вышло! Противостоять Мацуоке, поддерживаемому фашиствующей военщиной, императорский дом не мог: их политике «отталкивания от большой войны» противостояла мечта сторонников Мацуоки о переделе мира с главенством Японии в Азии. Закулисная борьба кланов была сосредоточена на поисках вождя, подобного Гитлеру. Николаевский изображает это опять-таки с помощью развернутой метафоры: «Демонов крупного масштаба в Японии не нашлось, но «мелкие бесы» и «бесенята», желавшие выставить свою кандидатуру на эту роль, были в изобилии» [7, 247]. На вопросы императора «бесенята» отвечали, «как школьники», но агрессивная военщина все-таки победила. «Политически проблема подготовки страны к войне в этот момент уже была решена, оставалась только техника ее осуществления. Император, если бы он пытался сопротивляться, был бы немедленно арестован» [7, 253]. Этими словами публицист заканчивает не только статью, но и всю русско-японскую тему в своём творчестве, но тема взаимоотношений между странами и народами продолжает его интересовать и в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаевский Б. И. Цветные книги / Б. И. Николаевский // Современные записки. — 1940. — № 70.
2. Николаевский Б. И. Внешняя политика Москвы / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1942. — № 1.
3. Николаевский Б. И. Смещение фельдмаршала фон Браухича / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1942. — № 2.
4. Николаевский Б. И. Советско-японское соглашение / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1943. — № 5.
5. Ходоров А. Е. Япония в мировой войне / А. Е. Ходоров // Международная жизнь. — 1925. — № 2.
6. Николаевский Б. И. Революции в Китае, Японии и Сталин / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1943. — № 6.
7. Николаевский Б. И. Как Япония пришла к войне / Б. И. Николаевский // Новый журнал. — 1946. — № 12.